

УДК 93/99 (093)

ББК 63.2

Ч 39

Редакторы:

д-р ист. наук Е.Е. Дутчак

д-р ист. наук В.П. Зиновьев

Рецензенты:

д-р ист. наук А.Н. Жеравина

д-р ист. наук С.Ф. Фоминых

Человек - текст - эпоха: Сб. науч. ст. и материалов. -
Ч39 Вып. 4: Аналитические практики и перспективы современного
источниковедения / под ред. Е.Е. Дутчак, В.П. Зиновьева. -
Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. - 320 с.

ISBN 978-5-7511-1984-3

Настоящий выпуск посвящен проблемам современного источниковедения. В сборник включены исследования, строящиеся на традиционных и новаторских способах интерпретации исторического материала.

Для исследователей-гуманитариев, интересующихся теорией и практикой современного источниковедения, историей России XV-XX вв.

- тикой современного источниковедения, историей России XV-XX вв.

УДК 93/99 (093)

ББК 63.2

ISBN 978-5-7511-1984-3

© Томский государственный университет, 2011

В.В. Шевцов
ВОСПОМИНАНИЯ Н.А. КОСТРОВА
О М.В. ПЕТРАШЕВСКОМ

Князь Николай Алексеевич Костров (1823-1881) известен как сибирский краевед, историк и этнограф. Выпускник юридического факультета Московского университета, в 1846 г. он подал прошение о переводе его в Красноярск. Причины такой просьбы заключались в двух обстоятельствах - в отсутствии связей и покровителей для продолжения службы в Москве и необходимости содержать семью. Переезд в Сибирь навсегда связал Кострова с этим краем, с изучением его истории, населения, экономики и географии. В Красноярске Костров первоначально исполнял различные поручения губернатора Енисейской губернии В.К. Падалки, а в 1847 г. возглавил одно из отделений общего губернского управления. В 1852-1855 гг. Костров служил в должности делопроизводителя енисейского губернского статистического комитета. В 1855 г. он был переведен из Красноярска в Минусинск в качестве начальника округа, где судьба и свела его с сосланным в Сибирь М.В. Петрашевским.

Приведенные воспоминания публикуются впервые. Они представляют собой 38 листов (включая обороты) карандашного текста, с широкими (в половину листа) полями и очень малым количеством поправок и исправлений. Архив Н.А. Кострова уже в первый год после его смерти поступил в библиотеку строящегося первого сибирского университета и в течение почти ста лет хранился в непригодном для этого помещении, что повлекло за собой утрату части документов. В середине 1970-х гг. он был перемещен в отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки Томского го-

сударственного университета (ОРКП НБ ТГУ), а в 1998 г. разобран и сформирован в отдельный фонд главным библиотекарем отдела Н.В. Васенькиным¹. «Воспоминания» приблизительно датируются серединой 1870-х гг. и в номенклатуре дел архива князя значатся как «Ф. 5. Оп. 1. Д. 26. Костров Николай Алексеевич. Воспоминания о М.В. Петрашевском. Л. 1-19 об.»². Текст представлен с актерской орфографией и пунктуацией, с подчеркнутыми и вычеркнутыми словами. Примечания публикатора даны в сносках.

* * *

«Г. Бурнашев в статье своей о М.Ю. Лермонтове помещенной в 9-й книжке Русского Архива за 1872 г.³, рассказывая о свободе слова, проявлявшейся иногда в петербургском обществе того времени, к которому относятся воспоминания автора, между прочим, прибавляет, что «настоящие строгости полицейского надзора, породившие некоторую опасливость и осторожность и отразившиеся на всем быте общественном, начались лишь с 1848 г., отчасти благодаря февральской революции, произведшей брожение во всей Европе, в особенности же благодаря открытию» «гнусного и нелепого заговора», известного под названием «Заговора Общества Петрашевского».

Обстоятельства, сопровождавшие дело Петрашевского, а равно и сама сущность этого дела так малоизвестны еще для нашей публики, что с моей стороны было бы слишком смелым опровергать или соглашаться с мнением по этому предмету г. Бурнашева. Но употребленные им выражения дали мне повод сказать здесь несколько слов о самом Петрашевском, которого я лично знал в Сибири за несколько лет до его смерти⁴. Как ни ничтожны настоящие мои заметки, однако же, я полагаю, они не будут излишними для

характеристики этого человека, слишком много пострадавшего для искупления своих увлечений.

В то время [на полях листа — «в конце 1849 — начале 1850 г.»,] когда состоялся и был опубликован приговор по делу Петрашевского, я служил в Красноярске начальником отделения енисейского общего губернского управления¹. Хорошо помню, как приговор этот я прочел в доме председателя губернского суда Д.Е. Зубарева, и мы долго толковали о нем.

Случившиеся здесь несколько человек гостей с соболезнованием говорили о пострадавших. Вообще сибирская публика настолько присмотрелась к разным государственным и политическим ссыльным, что относится к ним совершенно *sine ira et studio*². Дня через два после этого мне случилось быть у известного декабриста В.Л. Давыдова³. Обыкновенно веселый и остроумный Василий Львович был задумчив и не весел. «Нашего полку прибыло», — сказал он через несколько времени, после обыкновенных разговоров. «Дай Бог только им сил перенести постигшее их горе. Мы вот уже кетераны по этой части, а все тяжело».

На другой день находясь в общем губернном правлении, помещавшемся тогда в одном из корпусов здания роты кантонистов, я стоял у окна и с кем-то разговаривал.

День был жестоко морозный, такие бывали нередки в феврале месяце. Вдруг, сквозь разрисованные морозом стекла, послышались колокольчики. Я взглянул на улицу. По ней во весь дух, по направлению к почтамту, неслась запряженная тройкою кибитка. На козлах, рядом с ямщиком, сидел жандарм с обнаженным палашом; другой, также с обнаженным палашом, сидел в кибитке, рядом с другим человеком, закутанным во что-то меховое. Минут через десять проскакала с точно такой же церемонией другая кибитка.

Скоро мы узнали, что это провозили Петрашевского и одного из его товарищей, который, чувствуя себя очень нездоровым, просил ос-

¹ Данный фонд заключает в себе 2187 листов, сгруппированных в 96 дел (см.: ОРКП НБ ТГУ. Архивные фонды. Вып. 2. Николай Алексеевич Костров. Опись архива / Сост. Н.В. Васенькин. Томск, 2004. С. 10).

² Автор выражает благодарность и признательность за консультации и помощь в прочтении текстов документов сотрудникам ОРКП НБ ТГУ • Н.В. Васенькину, Е.В. Сизовой, О.В. Крущевой, Т.П. Карташовой, В.А. Есиповой.

³ *Бурнашев В.П.* М.Ю. Лермонтов, в рассказах его гвардейских однокашников // Русский архив. 1872. Кн. 9. С. 1770-1851.

⁴ М.В. Петрашевский умер в декабре 1866 г. в с. Бельское Енисейского округа Енисейской губернии.

¹ Костров начал исправлять должность начальника Третьего отделения общего губернского управления 22 июля 1847 г., утвержден в должности 19 ноября 1848 г. (ГАТО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 1106. Л. 2 об. - 3).

² Без гнева и пристрастия.

³ Давыдов Василий Львович (1792-1855) - участник Отечественной войны 1812 г., отставной полковник, входил в Союз благоденствия и Южное общество декабристов. Осужден к пожизненной каторге, с 1839 г. находился на поселении в Красноярске.

тавить его на некоторое время в больницу. Губернатор В.К. Падалко не только разрешил это, но послал больному особо приготовленный у себя обед и ужин во все время нахождения его в Красноярске.

После этого, о Петрашевском и его товарищах долго не было ни слуху ни духу. Время текло своим порядком, дела протекали своим.

В 1855 г. я назначен был минусинским окружным начальником, уехав в глубь Сибири еще за 500 верст от Красноярска, совершенно упустив из виду несчастных коммунистов, как их тогда называли.

Между тем, вскоре после этого, в Иркутске стала издаваться газета «Амур», которая на первых порах произвела сильное впечатление на всю Восточную Сибирь. Выписка этой газеты была обязательна для всех официальных мест и лиц¹. Привыкшие совершенно равнодушно относиться к выходившим до того времени скучным, сухим, безжизненным органам и другой административной печати, были как нельзя более озадачены, когда в «Амуре» от времени до времени стали появляться статейки, задевающие то ту, то другую служебную личность, называя ее чуть-чуть не по имени и описывая темные ее делишки².

Это было первое время гласности, когда в наших журналах и газетах вдруг заговорили о таких вещах, о которых прежде едва осмеливались думать. Газета «Амур» последовала общему стремлению и даже, может быть, более, нежели следовало³. В отдаленном, находящемся почти у самой китайской границе Минусинске, стали носить-

¹ Здесь Костров путает «Амур», начавший выходить с 1 января 1860 г., с «Иркутскими губернскими ведомостями», первый номер которых был напечатан 16 мая 1857 г. В отличие от «Амура» подписка на газету действительно была обязательной для всех официальных мест и лиц.

² «Иркутские губернские ведомости», пользуясь покровительством Н.Н. Муравьева, стали придавать гласности факты злоупотребления местной администрации. Н.М. Ядринцев в статье «Начало печати в Сибири» писал: «Публика скоро поняла дух «Губернских Ведомостей», и в редакцию посыпались обличительные корреспонденции не только из всех мест Восточной, но и из Западной Сибири. Газетка сделалась грозой всех взяточников, казнокрадов и кулаков». См.: *Сибирский сборник: Приложение к Восточному обозрению за 1885 г.* СПб., 1885. С. 236.

³ В № 38 «Иркутских губернских ведомостей» от 18 сентября 1858 г. было помещено следующее объявление: «Редакция неофициальной части Иркутских губернских ведомостей уполномочена объявить: что столбцы ее газеты — всегда открыты для желающих воспользоваться такого рода полезною «гласностью». В Иркутске не опасаются этой гласности, а напротив - вызывают ее».

ся слухи, что редакцией подобных задирабельных статей заведует освобожденный из каторжной работы Петрашевский и некоторые его товарищи¹, что генерал-губернатор придает не мало значения изданиям подобного рода, что некоторые лица были принуждены, вследствие этого оставить службу и т.п. До некоторой степени все это было справедливо. Но поражало всех более то, что наряду с личностями, считавшимися в общем мнении действительно не совсем чистыми, сплошь и рядом задевались в «Амуре» личности светлые и достойные, приносившие честь тому краю, где вращалась их служебная деятельность². Тяжесть позора, наносимого печатным словом, увеличивалась еще и тем обстоятельством, что «Амур» печатал только обвинения, не допуская или допуская весьма редко на свои страницы оправдания обвиняемых. Хотя из минусинских чиновников никто не попал в скандальную хронику тяжеловесной сибирской газеты, однако тем не менее общество их было сильно вооружено против коммунистов и Петрашевского, как коноводов этого дела.

Один раз, в воскресенье, зимою 1858 года³, когда я сидел в своем кабинете и занимался какими-то делами, мне вдруг говорят, что явился какой-то Петрашевский и просит меня видеть, чтобы подать прошение.

¹ Действительно, Н.Н. Муравьев доверил наполнение неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей» амнистированным в 1856 г. М.В. Петрашевскому, Ф.Н. Львову, Н.А. Спешневу. Авторами публикуемых в газете статей были и декабристы Д.И. Завалишин и В.Ф. Раевский.

² Здесь Костров намекает на енисейского губернатора В.К. Падалку. В 1859 г. в «Иркутских губернских ведомостях» была опубликована статья о недопущении Падалкой к печати статьи по поводу воспитания детей сибирских казаков. В ней губернатор назывался «жалким мандарином», закатывающимся «тупоумно-злым смехом» (Д — ль. Вред от гласности // Иркутские губернские ведомости. 1859. № 8. С. 10.). В ответ на это Костров в ближайший номер «Енисейских губернских ведомостей» отправил из Минусинска статью «Два слова о гласности» (1859. № 11. С. 89-91), в которой доказывал мнение, что гласность должна «говорить только о существовании известного недуга, а не о человеке одержимом им». Газетные полосы для ответа иркутской газете были специально выделены путем сокращения начатой крупной публикации «Заметки о минусинских инородцах и обитаемой ими местности»

³ Здесь также Кострова подводит память - зимой 1858 г. Петрашевский еще был в Иркутске. Описываемые здесь и на следующих листах события относятся к февралю 1860 г., когда Петрашевский был выслан в Минусинский округ.

Предполагая, что это брат недавно умершего в Минусинске доверенного одной золотопромышленной компании, также по фамилии Петрашевского, я вышел к просителю. Предо мною стоял, одетый в довольно помятый сюртук и такие же принадлежности, человек, и был скорее или немного более, среднего роста, с восточным типом лица, с большою черною бородой, с длинными волосами, сквозь которые виднелась на лбу порядочная лысина. Человек этот подал мне письмо от одного знакомого в Красноярске, который просил меня принять в свое распоряжение родственника его¹, известного государственного преступника Михаила Васильевича Петрашевского, проживавшего в Иркутске, а ныне назначенного по воле начальства на жительство в Минусинский округ. Я был неожиданно удивлен. И так передо мною находился тот самый сотрудник газеты «Амур», статьи которого наводили такое смятение чувств на большую часть чиновников нашего захолустья².

Я пригласил М.В. к себе в кабинет и велел подать чаю. Видно было, что он только что с дороги и порядочно прозяб. Впрочем, об этом можно было предполагать и по сильно потертой дохе его, которую он оставил в прихожей и которая могла даровать своему владельцу лишь немного тепла. Когда гость мой немного отогрелся, пришла из церкви моя жена и, узнав, кто у меня, вышла, от души обласкала его, даже заплакала. Через несколько минут Петрашевский был у нас как в кругу ближайших родственников и рассказывал, впрочем весьма сдержанно, свои иркутские приключения, в числе которых важное место занимало постигшее его нерасположение главного местного начальства, вследствие чего он и прибыл в Минусинск.

Весною 1858 г.³ в Иркутске случилось происшествие, наделавшее шуму на всю Восточную Сибирь и послужившее источником

¹ Речь идет о двоюродном брате Петрашевского - И.А. Вахрушеве.

² В издании газеты «Амур» Петрашевский принимал участие до своей высылки из Иркутска в феврале 1860 г.

³ Упоминаемая дуэль Ф.А. Беклемишина и М.С. Неклюдова состоялась 16 апреля 1859 г. и закончилась гибелью последнего. Современники оставили разные известия о причинах поединка, среди которых встречаем привычный для этого действия перечень — женщина, карточная игра, словесное оскорбление, пощечина. Это событие изменило характер отношений генерал-губернатора Муравьева и редакции неофициальной части «Иркутских губернских ведомостей».

неприятностей для многих. Дело идет об известной дуэли между генерал-губернаторским чиновником Беклемишиным и Неклюдовым. В то время, да и долго спустя после этого в Иркутске ходили разные слухи об этой дуэли. Одни говорили, что она происходила по всем правилам, другие - напротив. Не нам судить, кто прав и кто нет, но дело в том, что Петрашевский держался последнего мнения и сколько можно судить по его довольно сдержанным рассказам, громко говорил, что это была не дуэль, а убийство. Генерал-губернатор был в то время на Амуре и должность его исполнял его помощник¹. Последнему было представлено лицами, заинтересованными в деле, что в настоящем случае Петрашевский действует как человек вредный, нарушающий общественное спокойствие, тем более, что полиция, будто бы видела, как, накануне похорон Неклюдова, он приклеивал в разных местах объявления, приглашая ими жителей Иркутска прибыть в известном часу и в известную церковь на отпевание тела «погибшего»². Эти наговоры привели к тому, что Петрашевского схватили ночью и отправили в Красноярск с казаком, в распоряжение губернатора В.К. Падалки, поставив в обязанность последнего отправить его на поселение в одну из отдаленных местностей Енисейской губернии. Все были уверены, что губернатор воспользуется как нельзя лучше предоставленным ему правом, тем более, что и сам был не раз задет за живое статьями, помещенными в «Амуре». Одна из них, например, начиналась так: «в одном пашалыке около пятнадцати лет сидит паша и так усердно тклет паутину, что заткал ею весь пашалык; в эту паутину падают только одни слабосильные мухи, а те, которые посильнее,

¹ М.С. Корсаков.

² Петрашевский сыграл существенную роль в развертывании в Иркутске антимуравьевской кампании. Он составил и отпечатал в губернской типографии пригласительные билеты на погребение Неклюдова и произнес в день его похорон речь об «изменническом убийстве» при участии и попустительстве приближенных генерал-губернатора (см.: *Милютин Б.А. Генерал-губернаторство Н.Н. Муравьева в Сибири // Исторический вестник*. СПб., 1888. С. 617; *Литературное наследство*. Герцен и Огарев. М., 1956. Т. 63. С. 228-229). В № 17 «Иркутских губернских ведомостей» от 23 апреля 1859 г. была помещена статья Ф.Н. Львова, в которой говорилось о недопустимости дуэли в цивилизованном обществе, которая не только в данном конкретном, но и в общем случае определялась как убийство.

потолще, - вырываются из нее, с ведома паши»¹ и т.д. В дальнейшем аллегорическом рассказе ясно говорилось, что здесь речь идет об Енисейской губернии и губернаторе ее. Поэтому совершенно естественно было ожидать, что он отправит Петрашевского, как человека, которому приписывались все подобные статьи, в Туруханский край, Богучанское отделение Енисейского или онские селения Канского округа, то есть, вообще в одно из тех значных и прохладных мест, где, по пословице, Макар телят не гонял. Но расчет этот оказался не верен. К чести Падалки должно сказать, что он не только не воспользовался предоставленным ему правом быть строгим, но послал еще Петрашевского в одну из самых лучших местностей, - село Шушенское, в 60 верстах от Минусинска, где до того времени были поселены декабрист Фаленберг² и Фролов³. В первый приезд свой к новому месту назначения, Петрашевский был в Минусинске ночью и потому не мог зайти ни ко мне, ни к исправнику; но, пробыв в Шушенском три дня и объявив в волости, что отправляется явиться к начальству, прибыть в Минусинск и честь иметь представиться.

Весь этот день Петрашевский пробыл у меня. В вечеру, отправляясь на свою квартиру, он просил меня разрешить остаться совсем жить в Минусинске. Так как у меня на было никакой бумаги об нем, из которой я мог бы видеть условия его ссылки, то я отправил его к исправнику, отличнейшему человеку, старому служаке, который делал немало добра для Минусинского округа. Это был достойный всякого уважения М.И. Нечаев. У него или, лучше сказать, в земском суде, где он был председателем, действительно нашлась бумага о Петрашевском, из которой видно было только, что он

¹ Статья была напечатана не в «Амуре», а в «Иркутских губернских ведомостях» (1859. № 8. С. 13).

² Фаленберг Петр Иванович (1791-1873) - подполковник, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов. Как член Южного общества осужден на 8 лет каторги. В 1832 г. определен на поселение на Троицкий солеваренный завод Енисейского округа. В селе Шушенском находился на поселении с 1840 г. В 1856 г. после амнистии выехал в Европейскую Россию.

³ Фролов Александр Филиппович (1804-1885) - подпоручик, входил в Общество соединенных славян, осужден на 15 лет каторги. С 1835 г. сослан на поселение в село Шушенское. В 1856 г. амнистирован и выехал в Европейскую Россию.

причислен был в поселение в с. Шушенском Минусинского округа и больше ничего.

А как поселенцы, на основании закона имеют полное право на отлучки по своему округу, только выпросили бы их на это билет из волостного правления, то Нечаев посоветовал Петрашевскому снова отправиться в с. Шушенское и взять там себе билет, а потом переехать уже в город. К слову, присоединена была исправником записка в волостному писарю, человеку не последнему в пределах своей волости. Дело устроено было так, что через несколько дней, Петрашевский совсем переехал на жительство в Минусинск. Сборы его не могли быть продолжительны потому, что он, как древний философ, мог без всякого преувеличения сказать: *omnia mecum porto*¹.

Минусинск, переименованный городом из селения Большой Минусы в 1822 году в то время, о котором я говорю, был подобен большей части окружных городов Сибири: походил скорее на хорошее село, нежели на город. Это был просто административный пункт, а не место где сосредотачивались бы торговые интересы окружной местности. В нем было тогда до двух тысяч душ жителей обою пола, каменная церковь и до 300 деревянных домов. Главное занятие жителей состояло в хлебопашестве и скотоводстве. Арбузами Минусинск снабжал целую губернию. Из купцов, производивших торговлю в городе, можно было назвать не более трех. В их магазинах много было однако же все необходимое и даже много роскошных вещей, только, конечно, за цену весьма великую. Но, говорит пословица, - не красна изба углами, красна пирогами. В то время в Минусинске господствовала еще та патриархальная простота, то гостеприимное хлебосоольство, которое, по преданию, были некогда столь распространены в Сибири, а теперь исчезли до того, что человеку, заезжему в какое-нибудь захолустье, где нет ни гостиниц, ни ресторанов, негде пообедать и приходится существовать одним чаем. Общество чиновников и горожан жило дружно. Зимой было устроено собрание, где играли в карты, танцевали, читали газеты. Летом общество собиралось в одной версте за городом, в местности, прозванной колонией, где устроена была, среди расчищенной в лесу поляне, обширная юрта и две беседки. Здесь были кегли, качели и т.п. Почти все, выходявшие тогда в России, журналы получались в Минусинске; заходили даже и запрещенные

¹ Все ношу с собой.

лондонские издания¹, которые читали с жадностью. Несмотря на немногочисленность жителей в городе считалось шесть роялей и полуроялей, что одно доказывает достаточную склонность к музыке. Несколько раз были устраиваемы, с благотворительной целью, благородные спектакли, в которых принимал участие почти весь город. Общество виделось почти каждый день и проводило время без церемоний, по домашнему, без сплетен и пересудов.

М.В. Петрашевский скоро познакомился со всеми, везде бывал и разделял все наши незатейливые удовольствия. Карты составляли одно из любимых его занятий. Квартиру он нанимал маленькую, состоящую из одной комнаты, плохо меблированную и еще хуже содержимую. Мебель состояла из кровати, застланной бедною постелью, стола, заваленного бумагами и книгами, между которыми неизбежно выделялись несколько томов свода законов, и двух хромых стульев. Везде была пыль, окурки от сигар и пепел. Вообще, Петрашевский жил весьма бедно, получал от родных самое ничтожное вспомоществование, по крайней мере в Минусинске. Один раз он разбил нечаянно свои очки, которые носил постоянно, и ему не на что было купить другие. Дома его редко можно было когда найти, но когда все же находили, то непременно за чаем. Вина он почти не пил никакого.

У меня Петрашевский бывал каждый день. Иногда мы проводили целые вечера с глазу на глаз, разговаривая о прошлом и рисуя узоры будущего. Физиономия его во многом напоминала мне доброго товарища по университету П.И. Якушкина², хотя характеры их были диаметрально противоположны. Обыкновенно сдержанный в разговоре, Петрашевский почти совсем умолкал, когда речь заходила о деле, по которому он пострадал. Из слов его, однако же, можно было заключить, что в сущности дело это не стоило гроша, если бы оно не сопровождалось особенной низкой интригой двух высокопоставленных лиц³ и если бы один из товарищей, человек

¹ Речь идет о «Колоколе», издававшемся А.И. Герценом и Н.П. Огаревым в Лондоне в 1857-1865 гг.

² Якушкин Павел Иванович (1822-1872) - русский писатель и этнограф. В 1840 г. поступил на математический факультет Московского университета, но в 1844 г. отправился в народ для сбора фольклорного материала

³ Речь идет о министре внутренних дел Л.А. Перовском и шефе жандармов и начальнике III Отделения А.Ф. Орлове. Чиновник по особым

слабого характера и низкой души, не выдал при допросах всего того, что иногда слишком резко говорили в кругу молодых людей¹. Во всяком случае, тайного общества с целью низвергнуть правительство, здесь не было никакого. «Случись все это при нынешнем Государе, говаривал Петрашевский, ничего бы не было». «Впрочем, для меня все безразлично», прибавлял он, употребляя свое любимое выражение. С одним только не мог он примириться - это с формальной стороной своего дела. Михаил Васильевич был твердо убежден, что покойный Император, назначая над ним и его товарищами особый военный суд, нарушал этим общий закон, по которому он, как лицо гражданского ведомства, мог подлежать только суду гражданскому; он не сомневался, что это распоряжение будет отменено и видимо будет подвергнуто новому пересмотру. С этой целью Петрашевский постоянно писал прошения, доказывая в них на десятках листов справедливость своего воззрения на этот предмет. При этом, протестуя о нарушении формы бывшего над ним суда, он сам хотел сохранить в порядке подачи своих прошений всю возможную формальность, так что, по его мнению, они должны были прежде всего поступить в волостное правление и потом уже, через известный ряд инстанций, дойти до Сената, обязанного охранять законы, и т.д. Слушая Петрашевского, можно было подумать, что это его *idea fix*. Не было никакой возможности убедить его в ошибочности его убеждений. Для составления подобных прошений, у него был всегда под рукою Свод Законов, который он доставал то в одном, то в другом присутственном месте. Наконец, дело дошло до того, что Петрашевский не мог жить без того, чтобы не рыться в Своде Законов и не писать прошений². Когда, несколько времени спустя, он отправился было снова в Шушенское, то писал ко мне: «пребывание в Шушенском для меня в известном от-

поручениям при Перовском И.П. Липранди инициировал секретное наблюдение за Петрашевским и внедрил в среду «заговорщиков» агента-провокатора - П.Д. Антонелли, доклады которого легли в основу раскрытого «заговора идей». Таким образом, обычная полиция перебежала дорогу полиции тайной, ставя под сомнение эффективность ее деятельности (конкретную работу III Отделения организовывал его управляющий и начальник жандармского корпуса Л.В. Дубельт).

¹ Видимо, речь идет о П.Д. Антонелли.

² Тягу к сутяжничеству отмечали в Петрашевском и другие его современники.

ношении полезно - оно заставляет меня более сосредоточиться и скорее его результаты обрести ... только неудобно тем, что законов нет под рукой». Были ли поданы куда подобные прошения, мне неизвестно, но вполне полагаю, что, если были поданы, то далеко не все. Другое обстоятельство, возмущавшее до глубины души Петрашевского, было последняя высылка его из Иркутска. Приписывая свои несчастья деспотичному и недалевидному помощнику генерал-губернатора, он в поданных на него прошениях к министру внутренних дел, или в Сенат, не щадил личности генерала Корсакова и выставлял ее в самых мрачных красках, хотя так ловко, что подвергнуть его за это ответственности было положительно невозможно. В одном из таких прошений так и слышались слова Андрея Титыча Брускова в комедии Островского «Тяжелые дни»: «теперича в газетах пишут про черкесов, что они злые хищники и бунтовщики, так поверьте душе моей, что ни одному черкесу того не сделать, что тятенька (т.е. помощник генерал-губернатора) могут»¹. Здесь же Петрашевский едва не называл своего врага идиотом-

человеком более ограниченных умственных способностей, успевшим выскочить в люди только посредством беспрестанных поездок на курьерских в Петербург с каждым пустяками. И все это писалось для того, чтобы высшие места и лица отослали подобные прошения для доставления нужных объяснений местному начальству и чтобы это местное начальство полюбилось своим изображением, сделанным рукою человека, неослепленного блеском его величия. Удивительно, как Петрашевский не мог или не хотел сообразить, что есть известные люди, которых неудобно трогать, и что правда колет глаза! выслушивается нелегко

Признаюсь откровенно, я опасался даже слушать подобные прошения Петрашевского. В Иркутск могло дойти сведение, что я не только не ограничиваю его, но даже поощряю. Мне хорошо было известно, что, при отсутствии всякого общественного мнения, и служебного надзора в Сибири и жизнь и доброе имя чиновника совершенно зависят от благоусмотрения начальства. За примерами ходить нужно было недалеко. В последствии, мои опасения отчасти оправдались.

В начале августа 1860 г. енисейский губернатор, проводив из Ачинска в Петербург свое семейство, приехал ревизовать Минус-

синский округ. Почти при первых словах, он спросил меня: почему проживает Петрашевский в городе и чем занимается? Я объяснил откровенно. После общего представления чиновников, Падалка приказал позвать Петрашевского и говорил с ним довольно долго. О чем именно была у них речь, мне неизвестно; но Михаил Васильевич сказывал, что он никогда не ожидал такого ласкового приема, который оказал ему губернатор. Со своей стороны, губернатор в тот же день сказал мне, что находит Петрашевского вполне скромным и образованным человеком. За тем приступлено было к ревизии различных учреждений. Занимаясь целое утро делами, Василий Кириллович по вечерам, обыкновенно, бывал у меня. Один раз он встретил к меня и Петрашевского. Я предложил играть в карты, и как трудно было составить партию в вист, потому что наши уездные чиновники стеснялись присутствием губернатора, то он сам предложил Петрашевскому принять участие в игре. Вечер прошел вполне приятно. На другой день последовало то же самое и так далее, в течении двух недель, которые губернатор пребывал в Минусинске. В последствии времени, это не обошлось ему даром!

Около половины августа, Василий Кириллович распростился с нами и уехал в Красноярск. Он остался доволен всем виденным и насказал нам много лестного. Между прочим, он выразился, что теперешнее посещение его Минусинска последнее, потому что он оставляет службу и зимою уезжает в Петербург. Действительно, многие из находившихся в это время видели его в последний раз.

Приближалась продолжительная сибирская зима и надо было подумать, как бы с удовольствием и пользою провести это время. Предполагались собрания, литературные вечера, благородные спектакли. Человек предполагает, Бог располагает!

В половине сентября, я, совершенно неожиданно, негаданно, получил из Красноярска эстафету, что, по воле генерал-губернатора, переведен советником енисейского губернского суда, и на мое место назначен некто штабс-капитан Е.М. Романович. Это был тот самый господин, который в последствии написал в «Русском Архиве», статью о последних днях жизни Аракчеева, статью, оказавшуюся от первой до последней строки самою нецеремонною ложью¹. Хотя новое назначение было для меня повышением, но я

¹ Романович Е.М. Предсмертные дни и кончина графа Аракчеева (из рассказа Евгения Михайловича Романовича). Сообщено П.А. Мусатовским // Русский архив. 1868. Вып. 2. С. 283-289.

¹ Комедия А.Н. Островского «Тяжелые дни» впервые опубликована в журнале «Современник» (1863. № 8. С. 205-250).

знал откуда дует ветер. Оставляя Минусинск, я должен был оставить в нем все хозяйство, заведенное трудами и лишениями в течении шести лет, потому что брать с собою что-нибудь не стоило по дороговизне провозной платы. Жить с семейством в Минусинске, где по крайней мере первые потребности были довольно дешевы и приехать в Красноярск, где ценность на все достигала устрашающих размеров, была большая разница. Наконец, самое место, на которое я назначался, было для меня таким, на котором я не мог оставаться, потому что прежде никогда не служил по министерству юстиции. Я хорошо знал, откуда дует ветер и что перевод мой есть не что иное, как кара, разражающая над Минусинском за теплый и гостеприимный приют, данный Петрашевскому. Предполагая оставить Сибирь, я взял двухмесячный отпуск и стал раздумывать, куда бы направиться, чтобы заработать кусок хлеба.

Между тем, это был только первый удар поднявшейся грозы. За ним скоро последовали другие. Сменен, неизвестно за что исправник; сменен, неизвестно за что, судья. Приехал вновь назначенный окружной начальник, имевший претензию быть похожим на Мюрата¹, и на прямки объяснил, что, следуя воле начальства, обязан разгромить Минусинск.

Все полезные начинания были задушены и затоптаны в грязь. «К событиям совершающимся в бывшем прежде мирном вашем уголке, писал ко мне губернатор от 28 октября, я стараюсь всеми силами быть равнодушным; при чем с некоторого времени моя нервная натура делается более и более нечувствительною. Жду с нетерпением, когда я буду в состоянии сказать Красноярску «прости», без сожаления». Действительно, ему ничего не оставалось делать, потому что все, даже самые ничтожные распоряжения, шли мимо губернатора, свыше, из Иркутска.

Наконец, раздался еще один удар грозы, и на этот раз поразил виновника всех наших бедствий - Петрашевского.

Романович, с самого приезда своего в Минусинск, отзывался, что Петрашевский всему злу корень и что он, окружной начальник, не будет жив без того, чтобы не отодрать его плетьюми.

Немедленно дано было полиции предписание взять его и отправить в Шушенское. Петрашевский отозвался болезнью и необходимостью пользоваться советами медика, что было бы невоз-

¹ Возможно, намек на разгром наполеоновским маршалом антифранцузского восстания в Мадриде в 1808 г.

можно в деревне. В том же смысле дал ему свидетельство и окружной врач И.Ф. Лазарев. Но ничего помогло. В конце октября, когда несколько коротко знакомых собрались вечером поиграть в карты у почетного гражданина П.А. Подюсова, пришел и Петрашевский. Уселись и стали играть. Время шло и был уже 12-й час ночи. Вдруг в сенях раздался мерный шум шагов нескольких человек, потом довольно тихие команды, наконец звяканье ружей, взятых на плечо. Отворившиеся настежь двери позволили рассмотреть, что в сенях стояло несколько человек солдат при унтер-офицере. Вошел городничий и, обращаясь к Петрашевскому, объявил, что он имеет предписание от окружного начальника взять его силою и отправить сейчас же в Шушенское. Петрашевский потребовал предписание. Оно гласило о немедленном аресте его, посредством военной стражи, и об отправке в место поселения, «не смотря ни на время, ни на место». Делать было нечего, надо было повиноваться. Игра осталась неоконченною. Петрашевский был взят и отвезен в полицию. Ему не позволили даже заехать на квартиру, чтобы захватить с собой кое-какие вещи. Через полчаса он мчался уже, в сопровождении полицейского десятника, по направлению к Шушенскому.

Трудно представить себе все удивление и негодование гостей Подюсова при этом скандале, допущенном полицией и окружным начальником в глазах общества и в одном из самых уважаемых домов. Дамы разразились слезами. Находившаяся тут десятилетняя дочь моя¹, чрезвычайно любившая Петрашевского и не раз подшучивавшая над длинною его бородою, перепугалась, когда увидела, что по выходе из комнаты, его окружили, как арестанта, солдаты. Когда испуг прошел, она стала так горько плакать, что не было никакой возможности ее утешить. Через несколько месяцев, находясь уже в Красноярске, я получил письмо от матери Петрашевского, с приложением, на память от нее для моей дочери, золотого браслета, осыпанного мелким жемчугом. В письме было сказано, что браслет осыпан жемчугом в воспоминании тех светлых слез, которые бедная девочка пролила о несчастном, так долго преследуемом судьбою. После смерти моей дочери, я храню этот браслет, как семейную святыню, до настоящего времени.

В последствии, низкая иркутская и красноярская интрига хотела высылку Петрашевского из Минусинска свалить на Падалку.

¹ Дочь Н.А. Кострова Варвара родилась в 1847 г. В год описываемых событий ей было 14 лет.

Могу положительно сказать, что это клевета. Василий Кириллович сам удивился этому и спрашивал меня письмом - что за причина этой высылки. Последующие распоряжения его по этому делу показывают, что он виноват в нем столько же, сколько был виноват Христос перед жидами!

Привожу здесь два письма, присланные Петрашевским из Шушенского на имя моей жены¹. Они показывают отчасти то несчастное юридическое настроение духа, о котором говорено выше и под впечатлением которого он постоянно находился.

I.

«Не нахожу слов, чтобы благодарить вас за ваше внимание. Оно и большие неприятности может сделать приятными.

Вы спрашиваете меня о состоянии моего здоровья. На этот вопрос должен ответить положительно, что ревматические боли, которыми я страдал он простуды на пути из Минусинска в Шушенское, усилились; этого и следовало ожидать, что и послужит на доходы аптекарям. Это и есть в моей болезни самое существенное обстоятельство. *Ce n'est pas vrai qui dois payer les pots cases*².

Прошу вас прислать мне басни Крылова. Весьма благодарю за посылку и сигар и писем. Не желая вас утруждать каким бы то ни было моим поручением, я писал И.В. Кирееву³ (декабристу)⁴ быть проводником моей корреспонденции, - почему в этом смысле и писал к г. полицмейстеру; но как, кажется, И.В. сим тяготится, то с сею просьбою и обращаюсь к вам. Дабы г. полицмейстеру не было причин недоумевать, то к сему прилагаю записку мою к нему.

Почтовое объявление с верительного надписью посылаю к вам; деньги пусть остаются у вас; не пересылайте ко мне; в них не нуждаюсь пока.

Прилагаемые к сему письма покорнейше прошу вас отправить на почту и передать по назначению.

Желаю Вам всего хорошего и доброго здоровья всем Вашим от мала до велика.

Сегодня г. Арлянский (местный заседатель), как кажется, по причине присутствия окружного начальника, приглашал меня к

¹ Супругой Кострова была Мария Федоровна Бердяева.

² Это неправда, кто должен платить за разбитые горшки (фр.).

³ Киреев Иван Васильевич (1803-1866) - прапорщик, входил в Общество соединенных славян, приговорен к 15 годам каторги. С 1836 г. на поселении в Минусинске, где оставался после амнистии до июля 1861 г.

⁴ Здесь и далее в скобках - пояснения Н.А. Кострова.

себе, вероятно, обедать; но чрезвычайные ревматические боли заставили от сего отказаться и предписывают мне, буде г. окружной начальник вздумает меня посетить, лежать принимать его.

Представьте себе - неаполитанский король¹ в последний бумаге - она и шла через Кузьминского (городничего) - либеральничает со мною?

Чтобы дело шло делом, мною посланы прошения к г. стряпчему и в земский суд; пусть сибирские зубки покушают американские орешки.

Au revoir. До отъезда надеюсь Вас видеть.

О поучении сего письма прошу уведомить. Прошу Вас передать мой поклон или засвидетельствовать мое почтение кому за благо рассудится.

И. Ф. (Лазареву) самостоятельно кланяюсь и свидетельствую всякие чувства к нему мои, какие он найдет для него пригодными и приятными; и прошу сообщить, что копия с его свидетельством о болезни мне представлена при прошении в Земский Суд»

Шушенское. 1860. 23 октября.

II.

1860. 26 октября» .

* * *

Как известно, любые воспоминания о какой-либо примечательной исторической личности есть прежде всего воспоминания об обстоятельствах собственной, применительно к этой личности, биографии. Поэтому воспоминания о первом русском социалисте, не имеющем недостатка в исследователях и жизнеописаниях, позволяют добавить несколько черт к портрету Н.А. Кострова, который в сибирской историографии нарисован довольно кратко и схематично.

¹ Ироничное титулование М.С. Корсакова. Возможно, вновь намек на Мюрата, которому Наполеон в 1808 г. даровал титула короля Неаполя. В этом случае под Наполеоном мог пониматься Муравьев-Амурский, способствовавший «возведению» Корсакова в должность генерал-губернатора Восточной Сибири.

² На этом «Воспоминания» Н.А. Кострова обрываются. Письмо, которое должно было появиться под латинской цифрой «II», приведено не было.

Князь Н.А. Костров был человеком разносторонних интересов и не довольствовался рамками чиновной службы, ее буднями и досугом, однообразие которых было губительно для многих молодых людей. Университетское образование и склонность к писательской работе позволили ему сделаться этнографом, лингвистом, переводчиком, статистиком, историком, географом, исследуя те города и местности, где он служил, - Красноярск, Минусинск, село Спирино и, наконец, Томск, где в должности секретаря губернского статистического комитета (в 1866-1881 гг.) им была подготовлена и опубликована в неофициальной части «Томских губернских ведомостей» большая часть его работ. Известно более 190 его печатных публикаций, из которых 11 вышли отдельными изданиями. К сожалению, до нашего времени не дошло ни одной фотографии этого человека, хотя известно, что 35 фотографических карточек при разделе имущества Кострова достались его невестке Л.В. Костровой, уехавшей в Казань.

Костров хорошо уживался с людьми разных взглядов и положения. Енисейский губернатор В.К. Падалка не стеснялся говорить в письмах о своем тяжелом душевном состоянии по поводу своей отставки¹. Находясь в Красноярске, Костров входил в окружение декабриста Д.В. Давыдова. Другой государственный преступник, М.В. Петрашевский, доверял ему отправку своих писем в Россию и вел беседы с глазу на глаз, в которых говорилось не только о прошлом, но и рисовались «узоры будущего». Очевидно, что при дефиците интересного и равного по образованию собеседника два юриста нашли общие темы для разговора и точки соприкосновения во взглядах по поводу формально-законного и действительного положения дел в русском обществе (не случайно все правоведы находились под особым контролем у III Отделения). Однако никаких определенных суждений, раскрывающих суть этих бесед, в тексте «Воспоминаний» не содержится. Автор вообще стремился не формулировать своего мнения относительно «дела Петрашевского» и не упоминать никаких фамилий, ограничиваясь только отдельными замечаниями: «тайного общества с целью низвергнуть правительство, здесь не было никакого», «удивительно, как Петрашевский не мог или не хотел сообразить, что есть известные люди, которых неудобно трогать, и что правда колет глаза!». Свои заметки, называемые «ничтожными», Костров предупредительно начинал со слов, что с его стороны «было

бы слишком смелым опровергать или соглашаться» с употребленными в отношении Петрашевского выражениями В.П. Бурнашева. Возможно, что такой нейтральный и осторожный тон был выбран, чтобы избежать претензий со стороны начальства и цензуры, в случае если бы «Воспоминания» были напечатаны.

Кострову как мыслящему человеку не были чужды прогрессивные идеи своего века, он читал «Колокол», считал ценностью свободу печатного слова, сочувствовал пусть не взглядам, но самой личности Петрашевского. Однако как чиновник, ответственный перед начальством, и как глава семейства, ответственный за жену и двоих детей, он обязан был быть осторожным и стесненным в своих словах и поступках: «Мне хорошо было известно, что, при отсутствии всякого общественного мнения, и служебного надзора в Сибири и жизнь и доброе имя чиновника совершенно зависят от благоусмотрения начальства». Поэтому Костров предпочитал не рисковать и разрабатывать только нейтральные в цензурном отношении темы. Должность секретаря енисейского, а затем томского статистического комитета как нельзя лучше подходила для этого, позволяя Кострову сочетать служебные обязанности со своими исследовательскими изысканиями. Результат был налицо, вернее на листе - за пятнадцать лет работы Кострова в неофициальной части «Томских губернских ведомостей» его статей не коснулась цензурная правка, хотя за это время в Томске сменилось четыре губернатора (Г.Г. Лерхе, Н.В. Родзянко, А.П. Супруненко, В.И. Мерцалов).

Чиновная карьера князя Кострова была не головокружительной, но в целом успешной - по служебной иерархии он достиг чина статского советника и в послужном списке имел только благодарности и поощрения. В сфере изучения того края, который стал ему родиной, его карьеру также можно считать состоявшейся - сибирской и российской научной общественностью секретарь томского статистического комитета был признан как сибирский этнограф и краевед. В «Сибирской газете» Костров был назван «одним из видных деятелей Сибири на поприще ее изучения», «человеком разносторонне образованным, дельным, опытным и отзывчивым на просьбы других»¹. Если один из мотивов, побуждающих человека писать, - оставить после себя добрую память, то Кострову это, безусловно, удалось.

¹ ОРКП НБ ТГУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 77.

¹ Князь Николай Алексеевич Костров (некролог) // Сибирская газета. Томск. 1881. № 12. С. 379-382.